

*Т.Ю. Кобищанов**

ЛАБИРИНТ ЗЕРКАЛ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ЕГИПЕТ. О КНИГЕ Е.А. ПРУССКОЙ

Представленная статья является рецензией на монографию Е.А. Прусской «Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций». Несходство мировоззрения французов и египтян, базировавшегося на разных типах мышления, культурных традициях и стереотипах, наложилось в годы Египетского похода Бонапарта на колониальные взаимоотношения подчинения Восточного общества более сильным Западным. Книга позволяет увидеть то, как преобразался образ «Другого», отражаясь во взгляде представителей двух цивилизаций друг на друга.

Ключевые слова: Египетская экспедиция 1798–1801 гг., образ «Другого», Наполеон Бонапарт

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-487-493

220 лет прошло со времени высадки экспедиционного корпуса под командованием генерала Бонапарта на египетских берегах. И до сих пор эпопея Восточного похода Наполеона манит профессиональных исследователей и любителей истории, о ней пишутся монографии и снимаются научно-популярные фильмы. В чем же причина столь удивительной притягательности трехлетней истории пребывания французов на египетской земле? Может, в личности их предводителя, будущего императора Франции? Но у Наполеона было много завоевательных походов. Между тем его российская кампания интересует прежде всего россиян, итальянская – итальянцев, испанская – испанцев... Египетская же экспедиция Бонапарта интересует всех.

А может, магия Восточного похода кроется в самом факте столкновения двух цивилизаций: западноевропейской и арабо-мусульманской? Но арабский мир знает немало примеров европейских завоеваний. Вторжения португальцев на Аравийский полуостров и испанцев – в Северную Африку в XVI в.; упорная борьба марокканцев за освобождение своих портовых городов, увенчавшаяся изгнанием англичан из Танжера и испанцев из аль-Араиша в конце XVII в.; российская оккупация Бейрута в 1773 г. и британская – Александрии и Рашида в 1807 г., – ни одно из этих

* Тарас Юрьевич Кобищанов, кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

событий не удостоилось и десятой части того внимания, которое выпало на долю французской экспедиции 1798–1801 гг. Размах военных действий также не был уникальным. Еще в XVI в. многотысячные армии поставили под контроль Габсбургов часть территории нынешних Алжира, Туниса и Ливии. Однако поход Бонапарта затмил и эти завоевания, и последующую историю еще более масштабных и кровопролитных колониальных захватов европейцами арабских стран XIX – начала XX в.

Конечно, огромную роль в популяризации экспедиции сыграл сам объект завоевания. Славы первооткрывателей пирамид Гизы, храмов Луксора и Карнака участники наполеоновской экспедиции не обрели – эти монументы к тому времени уже были описаны европейскими путешественниками. Но самим по себе завоеванием Древнего Египта, который считался первоисточком человеческой цивилизации, «просвещенная» Европа символически замкнула круг времен. Любопытно, что повторная оккупация Долины Нила европейцами в 1882 г. возбудила гораздо меньший интерес.

Очевидно, чарующая притягательность Египетской экспедиции кроется в сочетании нескольких факторов: масштабе личности ее организатора и масштабности предприятия, захватывающей авантюристичности броска в центр исламского мира и к истокам человеческой цивилизации. Но было и еще одно обстоятельство.

Французская экспедиция позволила каждому, будь то исследователь или простой любитель истории, взглянуть на события глазами ее участников, стать очевидцем открытия неведомого мира. Ни одно другое колониальное вторжение не оставило после себя столь внушительного свода опубликованных документов, мемуаров и научных трудов. Воспоминания самого Наполеона, его генералов, офицеров и солдат и, главное, составленное французскими учеными 23-томное «Описание Египта» дали возможность тысячам европейцев мысленно перенестись на берега Нила, увидев статуи прошлого и лица живых людей, принадлежавших к иной культуре и цивилизации. Документы экспедиции стали настоящим волшебным зеркалом, завораживавшим современников. Европа надолго заболела «египтоманией».

Однако шло время, рубеж XVIII–XIX столетий все дальше уходил в историю, и читателю хроник французской экспедиции все сложнее становилось ассоциировать себя с их участниками. Появился третий взгляд на события: не только через пространство,

но и сквозь время. Окончание колониальной эпохи, цивилизационная открытость и религиозная толерантность породили новую методологию восприятия представителей различных культур: через дуализм «мы» – «они» и изучение образа «Другого». Взаимному восприятию представителей двух цивилизаций в период экспедиции Наполеона Бонапарта и посвящена вышедшая в 2016 г. монография старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Е.А. Пруской¹.

Анализ столкновения различных систем мышления и культурных стереотипов входит в последние десятилетия в число наиболее модных направлений гуманитарных исследований. Египетская экспедиция дает для этого богатый материал. Хрестоматийным примером «диалога глухих» стала демонстрация знаменитым химиком К.Л. Бертолле естественнонаучных опытов, произведенная по приказанию Бонапарта перед каирскими богословами. Жидкости меняли цвет, валил дым, гремели взрывы, выделялся электрический ток, и французский главнокомандующий ожидал реакции пораженных египтян. «Все это прекрасно, – взял слово шейх Халиль аль-Багри, – но можете ли вы сделать так, чтобы я оказался здесь и в Марокко в одно и то же время?»² Для суфийского шейха вопрос был естественным. Ему важно было понять, овладели ли европейские ученые высшими способностями мусульманских мистиков. Узнав, что нет, аль-Багри удовлетворенно улыбнулся, объяснив, что магия «франков» не безгранична.

Выходя, однако, за рамки исторического анекдота и констатации факта культурных различий, автор монографии пытается понять, каким образом эти различия преодолевались либо, наоборот, гальванизировались в период столкновения двух цивилизаций. Как представители различных обществ видели друг друга; соответствовало ли увиденное ими тем стереотипам, которые уже сложились в их головах. И наконец, как, всматриваясь в «Других», они начинали переоценивать сами себя. Естественно, «образ Другого» является производным от «образа мира Другого», будь то воображаемый мир мусульманского Востока или христианского Запада.

¹ Пруская Е.А. Французская экспедиция в Египет 1798 – 1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016. Далее сноски на это издание даются в круглых скобках в самом тексте статьи.

² Bourienne F. Private Memoirs of Napoleon Bonaparte, During the Periods of the Directory, the Consulate, and the Empire. L., 1830. P. 279.

Европейскому взгляду на арабо-мусульманский мир Е.А. Прусская предваряет анализ того, как сами египтяне воспринимали своих захватчиков. Ограниченность источниковой базы трудами двух арабских летописцев: почтенного богослова мечети-университета аль-Азхар ‘Абд ар-Рахмана аль-Джабарти и ливанского христианина-униата Никулы ат-Турка, – делает задачу исследователя весьма сложной. Исторiku приходится буквально продирааться через «восприятие восприятия» египтянами французского нашествия, описанного двумя указанными небеспристрастными участниками событий.

Куда больший объем французских свидетельств – на страницах издававшихся в Египте газет, а также мемуаров, публицистических сочинений и личных писем участников экспедиции, – позволяет автору монографии сформировать стереоскопическое восприятие событий и фактов с другой, западной стороны.

Следует учитывать одно важное обстоятельство. Оказавшимся на берегах Нила французам пришлось преодолевать определенный когнитивный диссонанс. С одной стороны, все они считались сынами Революции, провозгласившей атеистическое мировоззрение и принципы Свободы, Равенства и Братства людей и народов. Некоторые из солдат, офицеров и ученых экспедиции осознанно восприняли гуманистические идеи Просвещения, другие – с энтузиазмом уверовали в революционные лозунги, прочие – делали вид, что их разделяют. Однако под налетом толерантности и эгалитаризма лежал куда более глубокий слой религиозно-культурных представлений западнохристианской цивилизации, приучившейся смотреть на Восток как на мир варварских заблуждений. А под этим слоем, в свою очередь, скрывался мощный пласт инстинктов захвата и подчинения слабого общества более сильным. Любые проявления сопротивления со стороны египтян быстро смывали поверхностные наслоения и обнажали суть колониальной агрессии, сопровождавшейся казнями, пытками, осквернением мечетей и разрушением городских кварталов.

В этой связи крайне любопытно отмеченное Е.А. Прусской признание одного из участников экспедиции в том, что ему стало интересно перечитывать Библию, поскольку нормы жизни и права современных египтян показались сходными с ветхозаветными установлениями (С. 106). В сознании французов «архаичность» местного общества неизбежно ассоциировалась с «отсталостью»

старорежимных порядков католической королевской Франции, мир которой, казалось, был недавно разрушен в гражданской войне и революционном терроре, но вскоре с удивительной легкостью возродится в Наполеоновской империи. Высокомерный взгляд на восточную «деспотию» принадлежал людям, которым спустя несколько лет доведется служить диктаторскому режиму у себя на родине и восстанавливать монархию.

В отличие от захватчиков, арабам не приходилось бороться с внутренней раздвоенностью, приспосабливая идеологию к реальности. Цельное исламское мировосприятие диктовало дихотомическое разделение ойкумены на «обитель ислама» (араб. *дар уль-ислам*) и «обитель войны» (араб. *дар уль-харб*), из чего проистекало надлежащее отношение к агрессорам из «мира неверных». Соответственно не было противоречия между настороженно-недоверчивым восприятием оккупантов в обычные дни и открытым проявлением перемешанной со страхом ненависти в дни восстаний.

Неприязнь к захватчикам со стороны большинства египтян не мешала им с интересом взирать на многие достижения европейской цивилизации (Глава 2). Передовая военная тактика, инженерно-научные новшества, работы по благоустройству городов, состязательная практика судебных процессов, демократичность и неприхотливость военачальников, — лишь краткий перечень того, чем восхищали французы недоброжелательно относившегося к ним аль-Джабарти. Хронология различных редакций его труда свидетельствует о том, как египетский богослов, смирив эмоции и преодолевая догматизм, приходил к объективному осмыслению преимуществ и недостатков вторгнувшегося в его страну мира Запада.

Французское восприятие Египта демонстрируется Е.А. Прусской через противопоставление мифа и реальности. Питавший военную пропаганду и одновременно подпитывавшийся ею образ богатой, благодатной и благожелательной страны на Ниле не выдерживал столкновения с реалиями тягот похода, губительными болезнями, изнурительным климатом и враждебным отношением населения. Очарование Востоком быстро сменялось разочарованием, и, по словам автора исследования, «шок от столкновения с египетской действительностью оказался весьма болезненным для завоевателей» (С. 119). Заочный спор романтика К.-Э. Сава-

ри и более реалистичного К.-Ф. Шасбёфа (Вольнея), двух французских ученых, посетивших Египет во второй половине XVIII в. (Глава 3), в годы военного вторжения, перестал быть умозрительным диспутом. Издававшаяся оккупационными властями пресса старательно поддерживала легенду о невежественной, но страждущей европейского просвещения стране (Глава 4). В то же время сами солдаты и офицеры в личных письмах проклинали «обманувшего» их Савари (С. 120).

На мой взгляд, построенная на частной корреспонденции Глава 6 – самая сильная часть монографии. Со страниц писем звучат мысли участников похода, неотшлифованные, предназначенные не для вечности или официальной пропаганды, а для близких людей. Голоса генералов и простых солдат, художников и портных, блестящих ученых и малообразованных вчерашних крестьян создают удивительную полифонию. Из этого многоголосья вырастает образ оккупированной страны, какой ее видели участники похода, с ее казавшимся им жалким настоящим на фоне величественного прошлого. И главное – в описаниях Египта и египтян отражалось мышление самих завоевателей, их идеалы и предрасудки, стереотипы и фобии.

Произошедшее в 1798–1801 гг. соприкосновение двух цивилизаций не следует переоценивать. Оно было чересчур коротким и проходило в слишком экстремальных условиях, чтобы поменять взгляд друг на друга жителей Западной Европы и Ближнего Востока. Однако несомненно, что французская экспедиция усилила в обоих обществах интерес к миру «Другого» и тем самым стала значимым шагом на пути к взаимопониманию культур, который еще далеко не пройден.

Список литературы

- Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет 1798 – 1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. [Prusskaya E.A. Frantsuzskaya ehkspeditsiya v Egipet 1798 – 1801 gg.: vzaimnoe vospriyatie dvukh tsivilizatsij. M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2016].
- Bourienne F.* Private Memoirs of Napoleon Bonaparte, During the Periods of the Directory, the Consulate, and the Empire. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830.

Taras Yu. Kobishchanov

**THE MAZE OF MIRRORS
OF THE FRENCH INVASION IN EGYPT.
ON BOOK BY E. PRUSSKAYA**

The presented essay is a review of the monograph of Evgenia A. Prusskaya entitled *The French Invasion of Egypt in 1798–1801: Mutual Perception of Two Civilizations*. During the Napoleon's campaign this mutual perception was determined by the dissimilarity of French and Egyptian world view, different ways of thinking, multifarious cultural traditions and preset stereotypes, which, in their turn, were extended over the system of colonial subjection of the Eastern society to the more powerful Western one. This book allows us to get a closer look at the transformation of the image of the Other as it was reflected in the mutual perception of the representatives of two civilizations.

Keywords: the French Invasion in Egypt, the image of the Other, Napoleon Bonaparte